

Так, в неоконченном преступлении причины недоведения преступления до конца лежат за рамками воли виновного, а при добровольном отказе лежат в волеизъявлении виновного.

По нашему мнению, использование термина «воля» в дефиниции неоконченного преступления может быть полезно для правоприменителя, ведь при установлении волевого момента выясняется вопрос: «Имел ли место добровольный отказ от совершения преступления?».

Богданов С.В.,

профессор кафедры административного и международного права
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, д.ю.н.

Остапюк В.Г.,

заведующий кафедрой административного и международного права Юриди-
ческого института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, к.ю.н., доцент

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТ УБИЙСТВ В 1870-1983 ГГ.: НЕИЗБЕЖНОЕ СЛЕДСТВИЕ СВОБОД ИЛИ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ

Проблематика насильственной смертности в современной России продолжает сохранять свою актуальность. Сохранение достаточно высокого уровня убийств свидетельствует о наличии в обществе серьезных социальных проблем и напряжений внутрисистемного характера. Это также формирует негативный образ государства в мировом сообществе. Согласно последнему докладу экспертов ООН, посвященного анализу распространенности убийств в мире, Россия по данному показателю отнесена к странам с очень высоким уровнем смертности населения от данной причины¹.

Существует еще одно обстоятельство, которое стимулирует необходимость всестороннего изучения демографических аспектов насильственной смертности. Несмотря на вполне очевидные успехи отечественных обществоведческих исследований последних десятилетий, тем не менее, ряд проблем продолжают оставаться недостаточно изученными. Одной из таковых является смертность населения Российской Империи от убийств в условиях глубоких социально-экономических, политико-правовых и морально-психологических трансформаций, явившихся неизбежным следствием освобождения российского общества от крепостничества.

Анализ степени научной разработанности данной проблемы свидетельствует о том, что былой интерес дореволюционных авторов (Е. Анучина, Д. Дриля, С.Н. Трегубова, Е.Н. Гарновского, П.Н. Гарновской), сменился фактическим молчанием на протяжении всего советского периода (исключе-

¹ 2011. Global study on homicide: trends, contexts, data / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Vienna, 2011. P. 95, 111.

ние составила лишь работа С.С. Остроумова) и незначительным оживлением с начала 1990-х гг. преимущественно в рамках небольшого числа диссертационных исследований преимущественно исторического характера.

Определенный интерес в контексте рассматриваемой темы представляют статьи профессора Стокгольмского университета Эндрю Стиклея (Andrew Stickley)¹.

Как видим, проблематика смертности от убийств в Российской Империи во второй половине XIX столетия по-прежнему остается изученной весьма фрагментарно, довольно поверхностно и к тому же преимущественно в демографическом ключе. Историко-правовые исследования по-прежнему остаются достаточно редким явлением.

Хронологические рамки исследования – 1870-1893 гг. – выбраны не случайно и обусловлены двумя обстоятельствами.

Первое – пореформенные десятилетия характеризуются масштабными изменениями в правовой, социально-экономической, политической, духовно-нравственной сферах жизнедеятельности российского общества. Последствия данных трансформаций оказались очень противоречивыми, в том числе и в плане развития различных видов преступности.

Второе – наличие определенных статистических сведений о насильственной смертности населения губерний Европейской части страны в пореформенные десятилетия.

Итак, в 1882 г. в России впервые были опубликованы относительно полные сведения о насильственных и внезапных смертях по 49 губерниям Европейской части страны за 1870–1874 гг.²

Спустя 12 лет, в 1894 г. читающая общественность получила возможность ознакомиться с очередным Временником Центрального Статистического Комитета МВД № 35 «Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг.»³.

В отличие от своего предшественника, в данном издании содержались сведения о насильственных и внезапных смертях уже по 59 губерниям Европейской России вместе с Царством Польским. Увеличение произошло за счет включения сведений по десяти Привислянским губерниям.

В 1897 г. вышло из печати еще одно издание Центрального Статистического Комитета МВД – Временник «Умершие насильственно и внезапно в

¹ Stickley A., Makinen I.H. Homicide in the Russian Empire and Soviet Union: Continuity or change? // *British Journal of Criminology*. 2005. № 45 (5). P. 647-670; Stickley A., Pridemore W.A. The social-structural correlates of homicide in late-tsarist Russia // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47 (1). P. 80-99.

² Статистический временник Российской Империи. Серия II. Выпуск 19 / ЦСК МВД. СПб, 1882.

³ Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875-1887 гг. / ЦСК МВД. СПб, 1894.

Российской Империи в 1888-1893 гг.»¹.

В сравнении с двумя предшествующими статистическим сборниками, посвященным насильственным и внезапным смертям, это издание содержало сведения за 1885-1893 гг. по всем губерниям и областям Российской Империи за исключением областей Войска Донского, Карской, Терской и Закаспийской, округов Закавказского и Черноморского.

Данный «Временник» имел еще одну особенность – в нем впервые были обобщены статистические данные о насильственных и внезапных смертях по десяти главнейшим городам Европейской России за период с 1870 по 1893 гг.

Таким образом, благодаря официальным статистическим публикациям, а также различным научным исследованиям в контексте рассматриваемой темы преимущественно второй половины XIX – начала XX столетия мы имеем возможность составить собственную картину развития ситуации со смертностью населения от убийств в Европейской части страны в пореформенный период.

В то же время различное число губерний, сведения по которым на протяжении второй половины XIX столетия обобщались в МВД, создает определенные сложности. Для получения сопоставимых статистических показателей по количеству погибших от убийств авторами был проведен анализ по 49 губерниям Европейской части России, т.е. по тем территориям, сведения по которым имеются во всех трех статистических сборниках.

В категории «Умершие насильственной смертью» учитывались три группы погибших: в результате убийств; детоубийств (выделялись отдельно в общем числе погибших от убийств); самоубийств.

Обобщенная в первом сборнике МВД статистика насильственных и внезапных смертей за 1870-1874 гг. дает нам следующее. В это пятилетие пореформенного развития всего от убийств в 49 губерниях Европейской части Российской Империи погибло 11 665 человек.

За период с 1875 по 1887 гг. количество погибших от убийств в 49 губерниях Европейской части страны составило 39 592 человека. Подсчеты показывают, что в среднегодовом исчислении количество погибших от данной причины выглядит следующим образом: в губерниях – 3,045 человек, в городах – 408,3 человек, в селениях – 2 635 человек.

В следующие пять лет (1888-1893 гг.) в Европейской части страны было зарегистрировано 19 989 жертв умышленных убийств.

Всего за 23 года пореформенного развития в 49 губерниях Европейской части страны погибло от убийств 71 240 человек. Динамика погибших от убийств по 49 губерниям Европейской части России представлена в табл. 1.

¹ Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 41 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888-1893 гг. / ЦСК МВД, СПб, 1897.

Таблица 1

Динамика количества погибших от убийств в 49 губерниях Европейской части Российской Империи в 1870-1893 гг.

Годы	Количество погибших от убийств, человек	Прирост/Снижение к предыдущему году, %	Прирост/Снижение к 1870 г., %	Годы	Количество погибших от убийств, человек	Прирост/Снижение к предыдущему году, %	Прирост/Снижение к 1870 г., %
1870	2027	—	—	1882	3095	+2,85	+52,68
1871	2290	+12,97	+12,97	1883	3380	+9,21	+66,74
1872	2399	+4,75	+18,35	1884	3445	+1,92	+69,95
1873	2416	+0,70	+19,10	1885	3256	-5,48	+60,63
1874	2533	+4,80	+24,90	1886	3262	+0,36	+61,22
1875	2424	-30	+19,58	1887	3381	+3,45	+66,79
1876	2600	+7,26	+28,26	1888	3306	-2,21	+63,09
1877	2630	+1,15	+29,70	1889	3474	+5,08	+71,30
1878	2915	+10,83	+43,80	1890	3320	+4,43	+63,78
1879	3057	+4,87	+50,81	1891	3502	+5,48	+72,76
1880	3132	+1,02	+54,50	1892	3185	-3,05	+57,12
1881	3009	-3,92	+48,44	1893	3202	+0,53	+57,96

Как видно, количество погибших от убийств в городах и селениях Европейской части страны год от года постоянно увеличивалось. Прирост погибших от данной причины смерти в 1893 г. в сравнении с 1870 г. составил 1 175 человек или 57,9%. Этот показатель опережал рост численности населения по сопоставимой территории в 1,2 раза, т.к., согласно подсчетам А.Г. Рашина, численность населения 50 губерний Европейской части России за период с 1863 по 1897 гг. увеличилась на 47,9%¹.

За пять лет, 1870-1874 гг. из общего количества погибших от преступно-го умысла мужчин оказалось 8 721 человек и женщин – 2 944 человека.

По такому показателю, как число погибших от убийств на 100 умерших обоого пола насильственными и внезапными смертями в 49 губерниях Европейской России в этот период, выявилась значительная дифференциация между группами губерний. Наибольшие значения этого показателя среди женщин были зафиксированы в Северо-восточных, Новороссийских и Прибалтийских губерниях. Наибольшие значения этого показателя среди мужчин были отмечены в Южно-Уральских, Северо-восточных и Новороссийских

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813-1913). Статистические очерки / под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. С. 44-45.

губерниях.

В 1875-1887 гг. в Европейской части страны доля погибших от убийств в общем количестве умерших насильственно и внезапно среди мужчин составила 7,1%, среди женщин – 8,1%. Таким образом, на 100 умерших каждого пола в результате насильственных и внезапных смертей от убийств погибло мужчин – 12,6 человек, женщин – 13,1. Число женщин в расчете на 100 мужчин, умиравших от убийств в среднем по стране, составило 34,5 человека.

В 1888-1893 гг. динамика смертности от убийств среди мужчин и женщин продолжала развиваться в рамках тех же трендов, что и предшествующие годы. Если воспользоваться отношением численности мужского населения к численности женского в городах и сельской местности, то смертность женского населения к смертности мужского населения от убийств, принятой за 100, в Европейских губерниях России, составила 38,8. Это оказалось несколько выше, чем в целом по Империи – 31,4.

Итак, число погибших от убийств женщин по отношению к общему итогу умерших неестественной смертью женщин на протяжении всего рассматриваемого периода оказалось больше, нежели аналогичное соотношение у мужчин.

Анализ динамики смертности населения по Европейской части Российской Империи свидетельствует о постоянном увеличении на протяжении всего пореформенного периода численности погибших от данного вида преступлений. Однако цифры официальной статистики не всегда совпадают с земской санитарной статистикой умерших от насильственной смерти, как правило, в сторону занижения данного показателя в полицейских отчетах.

Экономическая, социальная и духовно-психологическая атмосфера жизнедеятельности крупных российских городов способствовала воспроизводству значительного числа рисков для граждан, в них проживавших. Несмотря на то, что абсолютные показатели смертности в городах от убийств на протяжении 1870-1893 гг. были ниже, чем в сельской местности, тем не менее, в самой структуре насильственной смертности усиливались тревожные тенденции: увеличение числа самоубийств и детоубийств, устойчивые темпы роста этих явлений.

Динамика как насильственной смертности в целом, так и ее составляющих свидетельствовала о наличии в российском обществе социально-деструктивных факторов, способствовавших устойчивому воспроизводству различных видов преступлений, в т.ч. и наиболее опасных – против жизни и здоровья граждан.